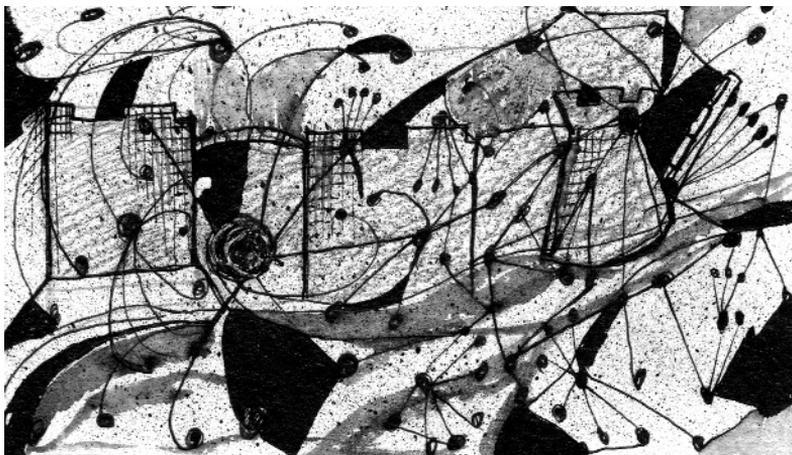

Александр Смирнов

Сеть

*All in all it's just another brick in the Wall.
Pink Floyd.*

Солнце поднялось уже достаточно высоко, и пассажиры, находящиеся в левой половине салона автобуса, изнывают под его жаркими лучами. Автобус же, покачиваясь на старых рессорах и дребезжа на выбоинах в асфальте, неторопливо продолжает свой путь.

Я стою в середине салона и, как и все в этот июльский день, еду вроде как без особой цели, но это только кажется. В полутора метрах от меня девушка, довольно симпатичная, и мы с ней как будто незнакомы, хотя это не так.

В первый раз я увидел её в университете несколько месяцев назад. Она подошла ко мне в перерыве и сказала:

— Пойдём со мной. Нам надо поговорить.

— Но...

— Не задавай вопросов. Просто пойдём.

Весьма заинтригованный, я последовал за ней. Она привела меня в какую-то комнату на четвёртом этаже, затесавшуюся между двумя аудиториями — я никогда не замечал её прежде. Войдя внутрь, я врезался в какой-то предмет, который не замедлил упасть с деревянным стуком. Когда глаза привыкли к темноте, оказалось, что это стул, которых в этой небольшой комнате было целых три.

— Можешь присесть, если хочешь, — сказала девушка, — хотя надолго я тебя не задержу.

— В чём вообще дело? Зачем ты меня сюда привела? — спросил я.

— Это единственная экранированная комната в здании, а нам надо поговорить.

— Экранированная? Но от чего?

— Этого я пока тебе сказать не могу. Лучше ответь мне, можешь ли ты припомнить хотя бы одно социальное потрясение или просто проявление недовольства каким-либо решением властей в последние годы?

— К чему это?..

— Просто ответить.

— Хорошо... Пожалуй, нет... Не могу припомнить.

— А часто ли попадаютя теперь скандальные книги или статьи? Политически скандальные.

— Нет. Вообще не попадаютя.

— А почему так? Почему в стране отсутствует протест? Подумай над этим. Ответ на поверхности.

— Хорошо, я подумаю. Но что...

— Не надо вопросов. Просто подумай. Если что-нибудь надумаешь, приходи завтра в девять вечера к беседке на набережной. И ещё: никому не говори о нашем разговоре.

Попрощавшись, девушка ушла, я же побрёл на лекцию в несколько рассеянном состоянии духа. В ритме университетского дня наш разговор с девушкой был вытеснен другими мыслями, но, как оказалось, он просто на время залёг на дно сознания, чтобы к вечеру снова всплыть на поверхность.

Сейчас же старый автобус неуклюже причаливал к остановке. В салон зашли два человека и сразу же наткнулись на кондуктора. Пока они судорожно шарили в карманах в поисках мелочи, двери закрылись, и автобус тронулся, дрожа от страха перед предстоящим долгим подъёмом на мост. Нашей цели по-прежнему не было видно.

Девушка и наш с ней странный разговор не шли у меня из головы весь вечер и добрую часть ночи. Но как только я начинал думать о предмете разговора, словно стена вырастала на пути моих мыслей и сворачивала их в сторону. В итоге, я уснул лишь под утро с твёрдым решением отправиться завтра в девять к беседке.

Учебный день и последовавшие за ним несколько часов ожидания показались мне вечностью. Однако решение идти уже не было таким твёрдым, как накануне ночью — ещё с утра поползли сомнения в целесообразности этого поступка. Но всё же, отменя в сторону все контраргументы вроде того, что в этот морозный вьюжный февральский вечер я только зря потеряю время, не найдя на набережной ни девушки, ни даже беседки, в восемь часов я оделся потеплее и вышел из дома. Дойдя до остановки, я почти сразу остановил маршрутное такси, поэтому на набережной я был уже в полдевятого.

Набережная встретила меня морозом и ледяным ветром с Волги, бросавшем в лицо пригоршни снега, обильно сыпавшие с небес. Метели с морозом под тридцать — большая редкость в наших краях, и, похоже, никто кроме меня не решился выйти из дома в такую погоду — на набережной не было ни души.

Беседка, когда я до неё добрался, оказалась по колено засыпана снегом, и я не нашёл ничего лучше, кроме как, натянув шарф до самых глаз, мерить шагами пространство перед ней, то и дело поглядывая на запотевавшие на морозе часы. Без пяти девять меня пробила дрожь, без двух, убедившись в тщетности своей затеи, я уже подумывал, как лучше добираться домой. Девушка пришла ровно в девять. Она внезапно появилась из темноты вьюги сначала лишь тенью в тёмной дублёнке и шапке, но через несколько шагов уже не возникало сомнений в её реальности. Перекрикивая ветер, она сказала, что не сомневалась в том, что я приду, и попросила следовать за ней. Я молча подчинился, уже не спрашивая, куда мы опять пойдём, просто опасаясь набрать полный рот снега, ведь для того, чтоб хоть что-то сказать, необходимо было убрать шарф ото рта, да к тому же, мне уже было всё равно, куда идти, лишь бы спрятаться поскорее от мороза.

Идти, тем не менее, пришлось около часа, и к концу пути я уже не чувствовал конечностей. Сначала мы добрались до моста, затем, переправившись на другую сторону, долго шли мимо тёмных домишек, пока, наконец, не достигли небольшого деревянного домика, окружённого забором. С трудом отворив практически не видную под снегом калитку, по колено в сугробах мы добрались до дома. Из открывшейся двери приятно пахло теплом. Представшая передо мной картина напоминала подполье начала двадцатого века. Сразу за сенями была комната, освещённая одной-единственной «лампочкой Ильича». Посредине за пустым прямоугольным грубо сколоченным столом сидели пять человек, три парня и две девушки, примерно одного со мной возраста, и ещё два стула были свободны. Комната сообщалась с крохотной кухонькой и ещё каким-то помещением, дверь в которое была закрыта. Обогревалось всё это хозяйство печкой-буржуйкой, стоящей в углу. Не обращая внимания на сидевших, я скинул одеревеневшую одежду и бросился к печке.

Когда я немного отогрелся, мне предложили сесть за стол, после чего девушка, приведшая меня сюда, сказала: «Как ты уже понял, мы — подпольная организация. Для конспирации мы не называем друг другу своих имён, так что меня ты можешь называть Номер пять, ты же для нас будешь Номером семь. О наших целях тебе расскажет наш руководитель, Номер один».

— Наша организация, — начал Номер один, — существует уже три года. Мы хотим уничтожить ментальную сеть, сковавшую всю страну. Раз ты пришёл к нам, значит, ты уже заметил, что не можешь мыслить свободно. В этом как раз и повинна сеть. Насколько нам известно, она была создана десять лет назад, чтобы контролировать настроение масс. Власть боится протеста. Контроль осуществляется при помощи управляющих станций, расположенных в крупных городах и образующих сеть, покрывающую всю страну. Каждый человек в государстве постоянно находится под колпаком. Однако программы, управляющие сетью, пока ещё несовершенны. Поэтому люди, обладающие достаточной ментальной энергией, могут освободиться от надзора. Мне это удалось три года назад, после чего я стал искать подобных себе, что и привело к созданию нашей организации. Ты один из нас, и теперь в нашей группе есть необходимые семь человек. Необходимые для успешной борьбы.

— Но если сеть настолько огромна, что могут сделать с ней семь человек? — не без иронии спросил я.

— В масштабах страны — ничего. Но наша группа не единственна — мы лишь часть более широкой организации, охватившей всю Россию. Во многих городах действуют группы, подобные нашей. Об их существовании я узнал всего лишь год назад, когда, будучи в Самаре, столкнулся с одной из таких групп. Тогда мы включились в эту глобальную организацию, существующую уже пять лет. Так что нашей основной задачей является обнаружение и уничтожение местного управляющего центра. Когда организация наберёт достаточно силы, будет сообщено о дне начала операции. Проведя такие акции одновременно по всей стране, мы тем самым уничтожим всю сеть.

— Не провалится ли эта затея из-за банального предательства? — поинтересовался я. — Ведь, держа в секрете имена членов организации, вы, тем не менее, только что рассказали мне всё о ней, не проверив даже, что я не шпион.

— Нет, это исключено. Придя сюда, ты тем самым показал, что ты с нами. Кроме того, мы бы сразу почувствовали предательство. Конечно, это для тебя звучит фантастически, потому что ты ещё не умеешь управлять своими ментальными способностями, но, научившись, ты поймёшь, что это так. Что же касается имён, то здесь конспирация необходима. Дело в том, что каждый из нас вынужден постоянно блокировать своё сознание от проникновения в него со стороны управляющего центра. Поддерживать эту блокировку приходится даже во сне. Естественно, при таком раскладе существует определённая вероятность потери контроля над своим сознанием, и тогда управляющему центру станет известно о нашей организации. В этом случае у нас будет больше шансов уйти, если мы не будем знать имён друг друга.

— Получается, моё сознание сейчас тоже заблокировано?

— Да. Мы начали создавать защиту через Номер пять, с того момента, как вы встретились с ней у беседки. Блокировка чужого сознания, да ещё на расстоянии — непростая задача. Нам пришлось выбрать для вашей встречи достаточно удалённое отсюда место, чтобы успеть закончить создание экрана до вашего прихода. Но мы не можем поддерживать блокировку вечно, поэтому сегодня тебе придётся научиться экранировать своё сознание самостоятельно. Само по себе это не очень сложно, однако нужно всегда помнить несколько правил. Во-первых, блокировка всего сознания не должна быть постоянной. Постоянно экранироваться должны лишь мысли, касающиеся нас и нашей организации. Экранированное сознание или его часть выпадает из поля видимости управляющего центра. Из-за несовершенства программы машина периодически теряет контроль над несколькими сознаниями, поэтому кратковременная блокировка не вызовет подозрений. Если же ты «выключишь» своё сознание на достаточно долгое время, это неминуемо привлечёт внимание сети и управляющих ею людей. Как ты понимаешь, последствия будут катастрофическими. — Как спокойно он вел себя. — Кроме того, следует полностью экранировать сознание за два часа до начала собраний и снимать блокировку только через два часа

после них. Кстати, собрания проводятся в этом доме каждый четверг в десять вечера, так что постарайся запомнить дорогу. Место выбрано не случайно — вокруг мало людей, и в случае опасности мы сразу сможем почувствовать увеличение ментальной активности.

А между тем, автобус всё-таки одолел подъём на мост и теперь радостно катил в крайнем ряду, грея левый бок в лучах полуденного солнца. Девушка (никак не могу прилепить к ней нелепое прозвище Номер пять) напряжённо смотрела в окно, пытаясь опознать нашу цель...

Блокировка сознания действительно оказалась не такой уж и сложной вещью. Овладев ей, я мог теперь думать когда хочу и о чём хочу, и в этом было невиданное доселе наслаждение.

Каждый четверг ходил я на собрания нашей организации. Обычно они длились около двух часов и заключались в своеобразной игре-тренировке сознания, которую мы называли ментальными шахматами: один или несколько участников создавали хитроумную защиту с множеством тупиковых ходов и ловушек вокруг того, что мы обозначали как идею-сущность, искажающую эту идею-сущность до неузнаваемости; остальные же участники, поодиночке или группой, должны были, преодолев защиту, добраться до истины. Дело осложнялось тем, что условия и правила игры могли меняться ежесекундно, и один ход приводил к совершенно другому результату, нежели совершенно такой же предыдущий. В качестве исходной идеи-сущности защищающаяся сторона могла брать что угодно — от лишнего сучка на доске стола до ощущения упоения свежим морским воздухом в ночь полнолуния на побережье Чёрного моря. Эта невероятно сложная и хитрая игра помогала нам оттачивать свои ментальные способности перед лицом грядущего противостояния с управляющим центром, несомненно защищённым множеством ментальных ловушек. Причём, действуя по ходу игры в одиночку, мы развивали индивидуальные качества, когда же прилагали коллективные усилия, мы использовали совершенно другую технику: один из участников игры становился приёмником и проводником ментальной энергии остальных участников, подобно лазерному лучу направляя совокупную энергию и способности игроков, большие суммы своих составляющих, на преодоление защиты.

В подобных играх-тренировках прошла весна и наступило лето.

Автобус спустился с моста и стал поворачивать к остановке, объезжая клумбу посреди площади. То, что открылось за остановкой, настолько не вписывалось в привычный облик города, что не оставалось места сомнениям — мы достигли управляющего центра.

На вчерашнем собрании Номер первый выглядел несколько обескураженным и, как оказалось, неспроста. После игры в ментальные шахматы он вместо того, чтобы объявить об окончании собрания, попросил нас держаться.

— Позавчера я общался с руководителями других групп, — сказал он, —

и узнал одну неприятную новость. Программисты ментальной сети уже заканчивают разработку программы, которая исключит возможность случайного выпадения сознания из-под контроля. Это значит, что через несколько часов после её запуска мы будем обнаружены. Программу планируется запустить в августе. Поэтому наш единственный шанс — попытаться уничтожить сеть в июле. Дело осложняется тем, что многие группы, в том числе наша, не готовы к осуществлению этой операции. Полная подготовка подразумевает совместные тренировки в течение года, а нас стало семеро всего лишь пять месяцев назад. Тем не менее, времени у нас нет. Для атаки выбран завтрашний день. Нам надо выбрать двоих, кто завтра будет непосредственно участвовать в операции, и обговорить некоторые детали. Предлагаю тянуть жребий.

Нет нужды говорить, что жребий выпал мне и Номер пять.

— Что ж, — задумчиво сказал Номер один, — давайте уточним некоторые детали операции. Во-первых, как найти управляющий центр и что нужно искать. Это самая простая, но, возможно, самая длинная часть операции. Вам придётся ездить по городу на общественном транспорте, выискивая детали, каких раньше не было, и по которым вы сможете определить управляющий центр. Чтобы помочь вам в этой задаче, мы будем передавать вам свою энергию через Номер пять, как мы это делали в ментальных шахматах. Внешняя защита должна быть не очень сильной, так что просто попытайтесь добраться до истинного вида зданий. Затем вам предстоит, используя приёмы из ментальных шахмат, проникнуть внутрь, при этом Номер пять останется снаружи и будет транслировать энергию Номеру семь. Возможно, управляющий центр будет состоять из нескольких корпусов, но нам нужен главный корпус, постарайтесь сразу определить его. Как только Номер семь проникнет внутрь главного корпуса, наша связь с ним оборвётся, и он будет предоставлен самому себе. Номер семь!

— Да, — отозвался я.

— Как только проникнешь внутрь, ищи контрольный терминал, он должен быть в главном корпусе.

— Как он выглядит?

— Этого я не знаю, но ты сразу поймёшь, когда его увидишь. Как только ты его обнаружишь — разбей его.

— Чем?

— Чем угодно. Только не пытайся принести это что угодно с собой — там наверняка есть металлодетекторы. Найди что-нибудь в здании. Когда разобьёшь терминал, увидишь за ним скопление кристаллов. Это мозг управляющего центра. Уничтожь его.

— Что ж, это не кажется слишком сложным. Во сколько мы начнём?

— В полдвенадцатого.

Мы вышли из автобуса. Управляющий центр находился в том месте, где раньше были дом и банк (или казалось, что они там были). Он представлял собой крепость восточного вида. Зубчатые стены и башни, сложенные из крупных камней, окружали здание с куполом, похожим на купол мечети, видневшимся над кромкой стены. Крепость была опоясана нешироким

рвом, через который внутрь можно было попасть по подъёмному мосту, который сейчас как раз был опущен. По верху стены ходили часовые-арабы, вооружённые кривыми ятаганами. Крепость и здание внутри неё были песочного цвета, внушающего мысль о жаре пустыни.

Номер пять перешла на другую сторону площади, и через несколько минут я почувствовал прилив ментальной энергии. Теперь пора подумать, как пробраться в крепость. Древняя арабская крепость — всего лишь фикция, обман на уровне сознания, значит, бороться с ней надо тем же методом.

Я представил себе шапку-невидимку (хотя «представил» — не совсем верное слово. На самом деле, я направил мысленный импульс к крепости, настроился с ней на одну ментальную волну и изобразил себя в виде старого араба с шапкой-невидимкой в кармане — приём, усвоенный во время игры в ментальные шахматы). Надев шапку-невидимку на голову, я по мосту спокойно прошёл внутрь крепости.

Внезапно декорации вокруг меня сменились — теперь я находился внутри немецкого концлагеря. Была ночь, в отдалении тянулись серые ряды бараков, среди которых выделялось здание казармы. Здесь мой маскарад не действовал, я снова стал самим собой.

Вовремя заметив круг света с дозорной вышки, приближающийся ко мне, я ничком бросился на плац, и меня чудом не заметили. После того, как опасность миновала, я встал и представил себя в мундире офицера СС со всеми знаками различия, но без особого внимания к деталям — ночь, всё равно ничего не видно. Не опасаясь быть обнаруженным, я двинулся к казарме.

Почувствовав сознание Номер пять, я послал ей импульс:

— Как ты? Что видно вокруг?

— Всё нормально, — ответила она. — Вокруг всё спокойно. Часовые всё так же размеренно бродят по стенам. Тебя они, похоже, не заметили.

— Отлично. Я, кажется, обнаружил главное здание, иду к нему.

— Удачи.

Идя бодро, но не очень быстро, чтобы не возбуждать лишних подозрений, я вскоре подошёл к казарме.

Войдя внутрь, я понял, что больше не чувствую сознание Номер пять. Это значит, что я в главном здании. Мундир офицера СС испарился, я опять принял свой обычный вид, но здесь маскарад был, по-видимому, не нужен (если только это не было ловушкой): здание внутри оказалось современной постройки, сразу за дверью начинался длинный полутёмный коридор с низким потолком. Незначительно поменяв черты лица, придав им заурядный, неброский вид, ограничив на этом всю маскировку, чтобы не тратить попусту ментальную энергию, которая зависела теперь только от моих способностей, я двинулся вперёд.

Довольно скоро коридор раздваивался. Используя старый испытанный приём исследователей лабиринтов — а именно, правую руку на стену — я отправился дальше. Время от времени мне попадались двери, но в них я не входил, предчувствуя, что там нет того, чего я ищу. Иногда мне встречались люди: они здоровались, не узнавая меня в полумраке коридора, но и не придавая этому особого значения, порой перекидывались со мной парой бессмысленных, ничего не значащих фраз, как это бывает в больших госучреж-

дениях, где царит скука и вековая пыль, а время замедлило свой ход.

Изрядно поплутав, проходя несколько раз одни и те же развилки (или все они казались одинаковыми?), я наконец пришёл к своей цели.

Она находилась в одном из тупиков. Отливая матовой чернотой экрана, перемигиваясь десятками разноцветных лампочек, белея сотней индифферентных клавиш, передо мной предстал контрольный терминал, и мне его предстояло уничтожить. Несмотря на долгое время пути, он оказался неожиданно простым, единственной сложностью оставалось найти инструмент, чтобы разбить терминал. Но и эта сложность не замедлила разрешиться — на левой стене тупика висел огнетушитель.

Я снял огнетушитель со стены, прикинул его вес, размахнулся и ударил... Полетели осколки стекла, мир раскололся на тысячу частей и соединился вновь...

Я очнулся среди осколков терминала. Со стены на меня взирал тупым чёрным оком терминал, целый и невредимый. Я вновь размахнулся, но ещё до удара послышался звон стекла и мир распался...

Я стоял в тупике, без огнетушителя, перед останками терминала. Позади слышались шаги бегущих ко мне людей, и, спасаясь от них, я прыгнул внутрь терминала...

И снова я стоял перед осколками терминала с огнетушителем в руках. За разбитым монитором блестели прозрачные кристаллы. Примерившись, я ткнул в них огнетушителем. Раздался скрежет сминающихся вагонов.

Мир схлопнулся...

И отворился.

На стене мерцал терминал. Рядом висел огнетушитель. В смятении смотрел я на него.

— Прекрасно, — раздался рядом знакомый голос.

Повернувшись, я увидел Номер один. Вид у него был довольный.

— Прекрасно, — повторил он. — Мы убедились в надежности системы.

Я молчал. Но в моей голове судорожно билась мысль: «Что будет со мной?!» И он услышал ее. И проговорил буднично:

— Ты знаешь то, что не должен знать. Сам понимаешь, чем это грозит. Но у тебя есть выход: работать здесь. Я не тороплю тебя с ответом. Можешь подумать до утра. Тут есть, где этим заняться.

Я знал, что отвечу. Мне не хотелось умирать.

Об авторе

Александр Смирнов родился в 1986 году в Ярославле. Студент 5 курса математического факультета ЯрГУ им. П.Г. Демидова.

Писать начал в 6 лет. Печатается с 2007 года. Миниатюры и фантастические рассказы публиковались в журналах «На любителя» (Атланта, США), «Жемчужина» (Брисбен, Австралия), «Техника-молодёжи» (Москва), «Золотой век» (Киев, Украина), «Супертриллер» (Москва), «Мир животных» (Гомель, Беларусь), «Порог» (Кировоград, Украина), в DVD-приложении к журналу «Мир фантастики» (Москва), в сборнике «Новая волна. Созерцание бесконечности...» (Санкт-Петербург).